

На правах рукописи

ЗЕЛЕНИН ДАНИИЛ АНДРЕЕВИЧ

ПОЭТИКА КНИЖНОЙ ЭМБЛЕМЫ

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре теоретической и исторической поэтики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель: доктор филологических наук
Махов Александр Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Сазонова Лидия Ивановна
кандидат филологических наук
Нестеров Антон Викторович

Ведущая организация: Филологический Факультет Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ)

Защита состоится «__» ____ 2018 года на заседании диссертационного совета Д 212.198.04 (филологические науки), созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета, по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6.

Автореферат разослан «__» ____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Доктор филологических наук, доцент Бойко Светлана Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа представляет собой исследование одной из новых разновидностей символической культуры, зародившейся в XVI в. и складывавшейся на протяжении XVI-XVII вв. как особый способ аллегорико-символической репрезентации, объединяющий текст и изображение в типичной рамочной структуре «*inscriptio – imago – subscriptio*» (заголовок – изображение – подпись). Термин «эмблема» достаточно часто некритически употребляется просто как «необязательный дублет» (С.С. Аверинцев) слов «знак» и «символ» как в повседневной, так порой и в научной речи в области литературоведения, лингвистики и социолингвистики. При этом, как правило, совершенно игнорируется специфика, стоящая за функционированием данной художественной формы и искажается представление о природе эмблематики и о том, что можно называть «эмблематическим», а что нельзя.

В отечественном научном использовании термина «эмблема» можно видеть как слишком упрощающие тенденции (В.В. Похлёбкин, М.Ю. Медведев¹), так и совершенно вырывающие термин из аутентичного историко-культурного контекста (О.Е. Елизарова, А.В. Бабайцев²). Вместе с тем рядом исследователей (Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев, Е.Г. Григорьева³) была рассмотрена семиотическая природа эмблемы. В сравнительно небольшой по объёму научной разработке эмблематики в отечественной науке также отметились аспекты её исторического развития на материале славянских литератур (А.А. Морозов, Л.И. Сазонова⁴) и общетеоретические аспекты её риторико-поэтологической

¹ Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 1994. – С. 10. Медведев М.Ю. Геральдика // Специальные исторические дисциплины. – СПб., 2003. – С. 180.

² Елизарова О.Е. Образы государства и нации в политической культуре современной России // Pro et contra. – 2002. – Т.7. - #3. – С. 94. Бабайцев А.В. Знак, символ, эмблема. Дифференциация понятий // Вестник Донского государственного технического университета. – 2010. – Т. 10. - №6. – С. 995.

³ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Учёные записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам 21. – Вып. 754. – Тарту, 1987. – С. 10–21; Аверинцев С.С. Заметки к будущей классификации типов символов // Проблемы изучения культурного наследия. – М.: Наука, 1985. – С. 296-301; Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. Григорьева Е.Г. Эмблема и сопредельные явления в семиотическом аспекте их функционирования // Символ в системе культуры: труды по знаковым системам. Тарту, 1987. – С. 78-88.

⁴ Морозов А. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 13–38; Сазонова Л. И. Эмблематические мотивы в русской классической литературе // Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового Времени.

устроенности (А.Е. Махов, В.И. Тюпа, А.В. Михайлов, А.В. Нестеров⁵). Наконец, эмблематика рассматривается в качестве вторичной или вспомогательной формы в трудах И.Ю. Звездиной, М.Н. Лобановой и И.П. Леонтьевой⁶.

Разработка эмблематики в отечественной науке в целом находится ещё на стадии своего становления по сравнению с объёмом проделанной работы в зарубежном литературоведении за почти полтора столетия, прошедшие с публикации первого научного труда Г. Грина «Шекспир и эмблематические авторы» (1870). В зарубежной разработке эмблематики можно выделить ряд ведущих направлений.

Первое – *немецкое*, возглавляемое А. Шёне с одной стороны, У. Хекшером и А. Виртом с другой, и Д. Йонсом с третьей. Концепция Шёне предлагала двойное функционирование эмблемы: репрезентация + интерпретация, основанное на представлении, что репрезентация означает больше, чем изображено, и реферирует за пределы себя. Самый важный его труд – «Эмблематика в немецкой барочной драме» (1964), после которого литературу стали анализировать «в свете эмблемы» (П. Дэйли). Д. Йонс ввёл в теорию эмблематики разделение эмблем на *Kunstform* (форма искусства, более «нейтральна», плод авторского остроумия или зафиксированный набор элементов) и *Denkform* (модус мышления, передающий необходимые экзегетические взаимоотношения и рассматривающий объекты и события как сигнификаты стоящих за ними вещей).

Хекшер и Вирт выстроили концепцию эмблемы как изобразительной энигмы, отношение которой к заголовку разрешается посредством эпиграммы,

Москва 2012. С. 127-187. Сазонова Л.И. Эмблематика в России: от Симеона Полоцкого до Пушкина // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре. – М.: Intrada, 2016. – С. 114–152.

⁵ Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. Москва, 2014. Тюпа В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. Москва 2010. Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания. – Москва, 1994. – С. 326–391. Нестеров А.В. Emblemata и «образы памяти» в ars memorativa, или Ещё раз о любви текста и изображения // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре. – М.: Intrada, 2016. – С. 34–58. Нестеров А.В. Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового Времени. – Москва, 2015.

⁶ Лобанова М.Н. Принцип репрезентации в поэтике барокко // Контекст-1988. Москва, 1989. С. 208-247; Леонтьева И.П. Феномен символа: опыт осмысления и исследования в европейской культуре: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003.

что было сродни концепции *итальянца* М. Праца, рассматривавшего эмблему в качестве визуальной вычурной метафоры (*conchetto*), использующей техники и топосы, характерные для петрарковской любовной поэзии, маньеристские, барочные и метафизические остроты.

Виднейшие учёные *англо-американского направления* – Д. Расселл, Д. Мэннинг, П. Дэйли, М. Бат и др. С одной стороны, их труды оценивают эмблему как исторически обусловленный жанр (Д. Мэннинг, М. Бат, П. Дэйли), с другой стороны, эмблематику они расширяют до дискурсивной структуры эпохи (Д. Расселл, П. Дэйли) и стремятся категоризовать «символический беспорядок» XVI-XVII вв. (Д. Грэм)

Несмотря на значительные успехи в разработке ряда теоретических и практических проблем эмблематики, большинство исследований пренебрегают (если вообще упоминают) бимедиальной устроенностью эмблемы и теми проблемами, которые она представляет как для читательской рецепции, так и для корректной дефиниции эмблемы. Дальнейшее исследование демонстрирует чёткую трёхчастную модель эмблематики, состоящую из анализа семиотики, риторики и поэтологического аспекта эмблемы, где бимедиальность выступает как конструктивный фактор книжной эмблемы. С этим же связана и **актуальность** исследования, поскольку в настоящее время в гуманитарной науке всё большее внимание уделяется как аспектам интермедиальности художественных жанров, так и в целом интердисциплинарному изучению разных феноменов, особенно в визуальной культуре (*Visual Studies*). Изучение поэтики эмблемы как именно бимедиального феномена на стыке семиотики, риторики и поэтологии важно для более глубокого понимания и корректировки принципов междисциплинарного подхода к визуальности в культуре.

Актуальность исследования связана и с его **научной новизной**, поскольку, несмотря на повышенный интерес исследователей к эмблематике, на сегодняшний день данная работа представляет собой первое исследование поэтики эмблемы в отечественной науке; новизна также обусловлена крайне малой изученностью эмблематики в литературоведении, а научные крупицы

представляют очень несистематическую, разрозненную и достаточно фрагментарную картину книжной эмблемы. Практически не изучены теоретические аспекты семиотического функционирования эмблемы как автономного символического знака, его отличия от египетской иероглифики и жанра *impresa*, не говоря уже о риторических аспектах эмблематики, разрабатывавшихся только А.Е. Маховым. Большая часть теоретических проблем, поставленных в данном исследовании, представляют собой практически неисследованную в нашей науке область ренессансно-барочной визуальности. Новизна исследования связана и с новизной подхода: ни зарубежным, ни отечественным литературоведением не была предложена модель эмблемы, одновременно включающая в себя многоаспектность её функционирования (триединство семиотики, риторики и поэтологии) в соединении с рассмотрением её бимедиальной устроенности. В данной работе предпринята реконструкция смысла эмблематики, адекватного эпохе и её контексту.

Предметом исследования является поэтика книжной эмблемы, а его **объектом** стали наиболее значимые образцы книжной эмблематики XVI-XVII вв.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении функционирования эмблемы как сложного символического конструкта, т.е. определение её бимедиальной устроенности и её «внутренней меры» как на уровне словесного, так и визуального в единстве структуры *emblema triplex*, троичной эмблемы.

Для реализации поставленной цели в диссертационном исследовании решаются **следующие задачи**:

1. эксплицировать генезис книжной эмблемы в культурно-семиотическом контексте Ренессанса, зафиксировав и определив семантические отличия ренессансных эмблем от античных прототипов;

2. определить принцип эмблематической сигнификации путём демаркации эмблемы от похожих жанров: иероглифов и импрез;

3. исследовать риторику эмблемы в её бимедиальной устроенности, т.е. *риторику образа* или иезуитские теоретические и практические усилия

превратить эмблематические картинки в «говорящие изображения», и *риторику текста* или внутренний инструментарий эмблематики, направленный на вовлечение читателя в смысл, на создание «эмблематического эффекта»; а также служащие этому риторические приёмы и типические конструкции, используемые в эмблематике;

4. типологизировать существующие взаимоотношения образа и слова в эмблематике;

5. проанализировать специфику эмблематической бимедиальности посредством анализа «голых эмблем» и двухуровневости эмблематического интертекста, явленного как в «образе», так и в «слове»;

6. выявить феномен «эмблематического дискурса» в барочной литературе и посредством этого обозначить наиболее типические черты «дискурсивной эмблемы», т.е. не имеющей в виду композицию *emblema triplex*;

7. на основании проведённого исследования выявить инвариатную структуру эмблемы в единстве её семиотических, риторических и поэтологических аспектов.

Материалом исследования являются наиболее значимые для вышеозначенных задач произведения ренессансо-барочной эмблематики: это «*Emblematum liber*» (Книга эмблем) А. Альчиато как первая книга эмблем; «*Emblemas morales*» (Нравственные эмблемы) Х. де Коваррубиаса, представляющая интерес как первое аутентичное изложение теории и целей эмблематической риторики; наконец, это теоретический труд Я. Мазена «*Speculum veritatis occultaе [...]*» [Зерцало сокрытой истины], обсуждающий силлогистическое устройство эмблемы. Помимо этих трудов, являющихся в работе предметом фокусированного обсуждения, материалом исследования также служат десятки отдельных эмблем и импрез из французских, немецких, испанских, голландских, итальянских, венгерских книг эмблем (И. Самбук, Г. Ролленхаген, Н. Таурелл, Г. де ля Перьер, Ж. Коррозе, П. Макций и др.). Как видно, в исследовании рассматриваются не конкретные книги эмблем, как целое, но произведена выборка наиболее иллюстративных эмблем из самых разных книг

как с целью большего охвата материала, так и для более систематического теоретического развёртывания работы.

Основными **методами** исследования являются сравнительный, структурно-системный, а также это методы композиционного, мотивного, дискурсного и интертекстуального анализа. Методологической основой исследования явились труды Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, труды по исторической поэтике С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, В.И. Тюпа, Н.Д. Тмарченко, М.Л. Гаспарова, А.Е. Махова, Н.В. Брагинской, а также теоретические наработки по эмблематике А. Шёне, М. Праца, П. Дэйли, Д. Рассела, А.-Э. Спика, Д. Мэннинга, М. Бата, Р. Димлера, Д. Дрисделла, Э. Гомбриха и Э. Панофски.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. поэтика книжной эмблемы состоит в устройстве эмблематики как комплексного триединства семиотического, риторического и поэтологического аспектов;

2. в качестве самостоятельной знаковой единицы эмблема обладает совокупностью характеристик, отличающих её от других символических жанров (иероглифика, импреза, иконология и др.): всеобъемлющий, а не частный характер высказывания, изображение нравоучительных вещей и остроумная краткость;

3. наложение технических структур медитации и текстуальных структур эмблем было реализацией перехода от принципа «ut pictura poesis» (поэзия как живопись) к «ut pictura meditatio» (медитация как живопись);

4. эмблема имеет аргументативную природу, которая своими средствами воссоздаёт структуру риторического силлогизма;

5. риторика текста применяется в эмблематике с целью большего вовлечения читателя в «герменевтический круг» эмблемы при помощи набора приёмов (эмблематическое «интервью», дейксис, валидационные механизмы «авторитета» и др.);

6. типология взаимоотношений графического образа и слова в эмблематике должна основываться на критерии степени синтеза слова и образа, достигаемой в эмблемах;

7. в соответствии с бимедиальной устроенностью эмблемы в ней Слово и Образ обладают как собственной риторикой, так и собственной интертекстуальностью;

8. в произведениях барочной литературы эмблематика реализуется в виде своей особой «дискурсивной формы».

Теоретическая значимость исследования состоит в представлении и детальном описании книжной эмблемы как сложного символического конструкта в аспектах семиотики, риторики и поэтологии, а также в выявлении инварианта эмблематической формы, позволяющего отграничить его от сходных символических жанров. Значимость состоит ещё и в выработке диахронического представления об эмблеме, т.е. о переходе от *emblema triplex* (троичной эмблемы) к «дискурсивной форме» книжной эмблемы. Значимость проявляется, конечно, и в открытии широких перспектив дальнейшего теоретического изучения эмблематики и углублении дальнейшей разработки проблематики исследования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при разработке и подготовке лекционных и семинарских занятий по теории и истории литературы, риторике, а также в рамках специальных курсов, посвящённых теоретической и исторической поэтике. Результаты исследования, а также разработанные аналитические подходы применимы не только при изучении эмблематики, но и других литературных и художественных явлений, в частности, аллегорической живописи.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта

специальности: п. 1. Разработка научных основ соотношений общего и художественного мировоззрений; п. 2. Разработка научных основ и методов изучения связи между различными видами духовной деятельности – художественной, религиозной, философской, имея в приоритетах деятельность литературно-художественную, т.е. искусство слова и религия, искусство слова и философия в их подразделениях; п. 3. Дальнейшая разработка соотношения теории литературы, поэтики и традиционной лингвистики, прежде всего лингвистической стилистики. п. 4. Дальнейшая разработка научных основ философии литературно-художественного стиля – центральной литературоведческой категории, обозначающей собою соотношение между внешним и внутренним в творчестве; п. 5. Дальнейшая разработка научных основ поэтики как теории литературно-художественного стиля; п. 6. Дальнейшая разработка соотношения категорий литературно-художественного стиля, творческого метода, жанра, речевого стиля и других, конкретных научно-методологических категорий. п. 9. Изучение стиховой культуры. п. 10. Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности.

Апробация работы состоялась в выступлениях на конференциях разного уровня: международная конференция «Риторика бестиарности» (Москва, РГГУ, 27-28 сентября 2013 г.), междисциплинарная межвузовская конференция студентов и аспирантов «Гуманитарное знание в изменяющемся мире» (Москва, 5 апреля 2014 г.), международная конференция «Бестиарный код культуры» (Res et verba-4) (Москва, РГГУ, 26-27 сентября 2014 г.), круглый стол «Эмблематика в европейской культуре» (Москва, РГГУ, 4 апреля 2015 г.), международная конференция молодых учёных «Мифологические образы в литературе и искусстве» (Москва, ИМЛИ РАН, 29-30 апреля 2015 г.).

Структура работы определяется поставленными целями и задачами, теоретическими и методологическими установками исследования. Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, приложение и список литературы (449 единиц).

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются постановка проблемы, актуальность темы исследования, её научная разработанность; а также формулируются цели и задачи работы, определяется её научная новизна и теоретическая значимость.

Поскольку феномен эмблемы в его многомерности нельзя охватить без обращения к истокам понятия, его исследование целесообразно начинать с проблемы генезиса эмблемы в западноевропейской культуре. Этот вопрос рассматривается в **первой главе «Эмблема в культурно-семиотическом контексте Ренессанса»**, состоящей из 7 параграфов.

Первый параграф **«Семантика “до-книжной” эмблемы»** посвящён истории возникновения и становления понятия «эмблема» в античности. В нём указаны три главных значения слова «ἐμβλέμα», последнее из которых перенесло семантику в «несобственное» значение, с вещи (res) – на слово (verbum). **«Протоэмблематика от античности до XVI в.»** рассмотрена во втором параграфе. Протоэмблематика – это промежуточное звено, связующее античную эмблему и новую художественную форму, созданную А. Альчиато. В её рамках выделяются несколько как античных (эпиграмма, фигуративная поэзия), так и средневековых (поговорки, иероглифики, басни и бестиарии, danses macabres) наиболее значимых влияний на эмблематику. Все эти родственные и производные для эмблемы дискретные формы позволили оформить её «прототипическую рамку», построенную на семиотическом, тематическом и композиционном фундаменте.

В третьем параграфе **«А. Альчиато: рождение эмблематической формы в начале XVI в.»** рассмотрен генезис эмблематики в самой первой книге эмблем – «Emblematum Liber» (1531). Сложная издательская история этой книги обусловила развитие эмблематики от простой эпиграммы с «элегантным значением» (Альчиато) для узкого академического круга, а также ремесленников – до комплексной бимедиальной формы с установкой на дидактизм и педагогику с остроумным значением.

Четвёртый параграф *«Эмблема в контексте схожих жанров»* посвящён разотождествлению эмблемы, во-первых, с иероглификами, а, во-вторых, с *impresa*-ми – ведущими символическими формами той эпохи, зачастую совершенно не различавшимися с эмблемами. В отличие от «единства ментального и эстетического опыта» иероглифов и «личностной» интенции *impresa* эмблематика строит свою сигнификацию как на универсальной постижимости собственного смысла, так и на репрезентации вещей нравственно-дидактического, а не только священного (как в иероглифах) порядка. Вместе с тем из иероглифики эмблематика главным образом почерпнула свою герменевтическую установку на чтение мира как «Книги Бога / Природы», а из искусства *impresa* – деление П. Джовио на «душу» и «тело» символического конструкта, а также постулаты о «темноте» и «ясности» *res significata* (означаемого).

Пятый параграф *«Эмблема и её теоретические импликации»* рассматривает фундаментальные аспекты устройства самой эмблемы – её наиболее типические структуры и манифестации в культуре, «многоязычие» книг эмблем, форму эмблематического комментария, теорию эмблематики XVI-XVII вв. и очерчивает границы между «эмблемой», «символом» и «аллегорией». В итоге проблематика консенсусной дефиниции эмблемы решается посредством ряда факторов: эмблематика изменчива, поскольку подражает разнообразию мира, который она рассматривает; кроме того, эмблематика – очень адаптивная и синтетическая форма, легко встраивающаяся в другие жанры и формы; наконец, эмблематика не принадлежала к канону определённых античностью форм. Параграф заключают формулировка основного семиотического принципа эмблемы как создание некоторой «хромоты» смысла (А.Е. Махов) и побуждение читателя к реконструкции авторской логики и нахождению постоянно прячущегося смысла. Также даётся «жанровый инвариант» эмблематики: символическое изображение, которое сопровождается краткой рамочной формулой заглавия и эпиграммы, раскрывающееся в триединстве семиотического, риторического и поэтологического планов.

Вторая глава «Риторика эмблемы» освещает 3 наиболее общих вопроса, вынесенных в 3 параграфа: 1) как сопряжены друг с другом эмблематика и риторика? 2) что представляет собой риторика Образа в эмблематике? 3) что представляет собой риторика Текста?

Первый параграф *«Риторика и эмблематика в проблемном поле барочной символики»* выявляет, как герменевтическая установка эмблемы на «мирорассматривание» и толкование «вещного универсума» обусловила её риторико-педагогическую направленность на обучение посредством «сладостной полезности» (Гораций), когда эмблема поучает нас, увлекая визуальной красотой и принося пользу душе.

Эмблематика опирается на риторическую традицию не только потому, что оперирует арсеналом «готового слова», но и т.к. всегда нас убеждает в аксиологической ценности тех или иных концепций и понятий. Огромную роль в эмблематике играет такой этап составления речи в классической риторике, как Память, что выражается в постоянном оперировании «общими местами» в книгах эмблем.

Подпараграф *«Теория эмблематической риторики Х. де Коваррубиаса»* фокусирует внимание на первой аутентичной теории, где эмблематика рассматривается в связи с риторикой. Теория испанского эмблематиста обсуждает вопросы 1) что есть эмблема? 2) что она делает? и 3) как можно использовать эмблематическую форму? Риторика эмблемы концептуализирована как теория коммуникации между эмблематистом и читателем, где главная задача – умело «вовлечь читателя в эмблему» и посредством этого создать «эмблематический эффект» неожиданного смысла, а затем пробудить в читателе определённое состояние и побудить его к активному поступку.

Второй параграф *«Риторика образа»* делится на 6 подпараграфов. Первый подпараграф *«Риторика светской и священной эмблематики»* представляет важное деление эмблематики на «нравоучительные», основанные на материале классическо-гуманистических фигур и тропов и на эксплицитно религиозные. Если первое направление проистекает из традиции «общих мест», когда

эмблематические аргументы и нравственные истины создаются из конвенциональных ассоциаций и выстраивают неожиданные параллели между несхожими на первый взгляд вещами, то второе не сочиняет, а обнаруживает эмблематические уроки в повседневных объектах, как бы «спиритуализуя» их. *Emblematica sacra* или «фигуральная онтология» рассматривала мир как священный текст под авторством самого Бога; этот герменевтически толкуемый мир прообразован в виде метафорических отношений макрокосмоса-микрокосмоса, которые и призвана обнаружить и вывести на свет эмблематика, моделируя тем самым сакральное восприятие реальности.

«*Imitatio, Innovatio u Argutia как начала иезуитской риторики и теории эмблем*» – это подпараграф, раскрывающий широкие горизонты иезуитской эмблематики и обосновывающий её важность в разговоре о риторике эмблемы. Иезуиты – не только наиболее плодотворное из всех занимавшихся эмблематикой сообществ, но они стали первыми, кто воплотил риторику эмблемы на практике. В данном разделе речь идёт о том, как в Обществе Иисуса произошёл сдвиг риторического акцента с более «цицероновского» по духу *Imitatio* – к *Inventio*нности или к более «анти-классическому» стилю, поощрявшему эпиграмматическую форму и то, что получило название «*argutia*». Это родовое понятие для того спектра художественных явлений, вступающих в отношения взаимной референции, причём оно обязательно характеризуется лаконичностью и остроумностью или тонкостью выражения. Эти веяния дали импульс последующей теоретической разработке эмблемы как особого рода кончетто и риторического силлогизма, которое обсуждается в третьем подпараграфе «***Imago Figurata***» **Я. Мазена как проект риторизации эмблемы.**

Немецкий преподаватель риторики и теоретик-иезуит Я. Мазен внёс большой вклад в разработку риторики эмблемы, которую обобщил словом «фигуративный образ». Подраздел обсуждает такие важные теоретические аспекты риторической эмблемы, как 4 источника *inventio* (нахождения аргументов), взаимодействие протасиса-аподосиса в эмблеме, а также особенности тропической речи при создании фигуративной образности. Анализ

показывает, что иезуитами был создан проект по риторизации эмблематики для того, чтобы поставить её на службу своих прагматических идей.

Четвёртый подпараграф *«Эмблема как “священное красноречие” и риторический силлогизм»*, во-первых, очерчивает всё большее размежевание символического искусства со священным красноречием и переход к науке изображений, т.е. символика, отделяясь от эзотеризма и метафизического чтения мира, всё больше конструирует знания на логико-риторической основе, отталкиваясь от изображения, а не «вырастая» из него.

Во-вторых, раздел представляет анализ ряда эмблем, представленных в качестве риторического силлогизма. Композиционные части эмблемы оказываются тождественны некоторым элементам классической организации речи в риторике, а остальные получают функциональную разработку на примере ряда эмблем книги иезуита А. Мендо *«Principe Perfecto»* (Идеальный Государь).

Пятый подпараграф *«Аспекты иезуитской визуальности и эмблематическая медитация»* раскрывает 6 главных причин, по которым визуальности и риторике Образа в Обществе Иезуитов придавалось такое огромное значение. Здесь также рассматривается такая значимая эмблематическая форма XVII в., как «духовная эмблема» (или эмблематическая медитация), ярко проявившаяся именно в иезуитских книгах эмблем. Искусство медитации, возрождённое Д. Холлом в XVII в., вдохновило И. Лойолу соединить медитативные техники с религиозной эмблематикой. Объединявшая их образность стала связующей нитью аскетического и эстетического элементов, что поспособствовало как развитию игнацианской медитации, так и развитию книжной эмблематической литературы. Первые иезуитские книги эмблем демонстрируют, как риторизация духовного образа помогала эмблематике становиться моделью «духовного паломничества», а медитантам – *«Образом и подобием»* Бога.

Шестой подпараграф *Перформативность и прагматика эмблемы* анализирует, во-первых, встроенность эмблематических упражнений и книг эмблем в иезуитскую педагогику и в обучение риторике, а, во-вторых, три модуса

(визуальный, вербальный и «разыгрываемый»), третий из которых рассматривается как «эмблематический театр». Иезуитские теоретики подготовили солидную теоретическую базу, подкрепившую внедрение эмблематики как в сценические эффекты, так и в непосредственную драматургическую речь. Эмблематическая драматургия также оформилась и в ряде книг эмблем (труды о. Давида «Случай...», «Истинный Христианин» и «Рай супруга и супруги»), где система глав выстроена как сменяющие друг друга эмблематические изображения.

Третий параграф *«Риторика текста: внутренний инструментарий эмблематики»* делится на 2 подпараграфа. Первый подпараграф *«Эмблематические заглавия и их риторические техники»* рассматривает наиболее фокусирующий смысл эмблемы элемент – заголовок, его аргументные (краткость, остроумность, поговорочность и др.) и композиционные (расположение, соотносённость с другими частями эмблемы) свойства. В разделе анализируются наиболее иллюстративные примеры *inscriptio* из книги Ф. Кнессебека и Ж. де Монтене и из них выводятся ведущие заголовочные техники: фрагментирование, демонтаж, дейктические приёмы, секвенцирование и ряд риторических тропов и приёмов.

Второй подпараграф *«Риторико-коммуникативное обрамление эмблемы или как эмблема вовлекает читателя?»* анализирует эмблему как коммуникативный акт, вовлекающий читателя и делающий его участником единого, общего когнитивного процесса. Подпараграф состоит из раздела *«Стратегии вовлечения читателя»*, где выделены основные риторические приёмы эмблематических эпиграмм на примерах бестиарной эмблематики (метафора, обращение, аргумент «авторитета», генерализация, ирония, предостережение и др.), а также детально изучен такой особый «препарирующий» смысл приём, как «эмблематическое интервью», его функции и разновидности в эмблематике.

Третья глава *«Эмблематика как “поэтическое искусство”»* рассматривает наиболее важные поэтологические аспекты эмблематики:

специфику взаимоотношений образа и слова в аспекте бимедиальности, проблематику двууровневого интертекста эмблем и вопросы «дискурсивной эмблемы» и «эмблематического дискурса». Разрешение данных вопросов проясняет не только как эмблема конструирует свой смысл из собственной бимедиальности, но и то, как она может организовывать и структурировать другие произведения разных жанров.

Первый параграф **«Взаимоотношения образа и слова в эмблематике»** рассматривает круг проблем, необходимых для верной читательской рецепции эмблем: как соотносены в эмблеме живописное и словесное? Обязана ли эмблема быть именно бимедиальна, есть ли это условие понимания *sine qua non*? Каким параметрам подчиняются в эмблематике взаимоотношения образа и слова? Возможно ли их типологизировать? Параграф делится на три подпараграфа, первый из которых, **«*Ut pictura poesis*» (поэзия как живопись): теория, практика, прагматика»** рассматривает соответственно три концептуальных аспекта формулы Горация: её влияние на теоретическую разработку вопросов соотношения / примата словесного или визуального, аспекты практического воплощения в книгах эмблем и, наконец, прагматика – то, на чём строилось взаимодействие автора и художника-гравёра в непосредственных книгах эмблем и какие затруднения это ставит перед читателями.

В XVI в. словесный знак выходит из своего «кризиса» (А.-Э. Спика), что порождает глубокую теоретическую рефлексию о статусе образа и слова. Она обнаруживает две полярные тенденции: поэтическую – по превознесению словесного, и художническую с приматом визуального. Именно в виду поиска примирения и стремления к эквивалентности эпоха и приняла постулат «*ut pictura poesis*» в качестве инструмента разрешения извечного противоречия Образа и Слова.

Второй подпараграф, **«Эмблема голая и бимедиальная»**, посвящён концепту бимедиальности эмблемы, а также анализу феномена «голой эмблематики» или книг эмблем без изображений. «Голая эмблема» предстаёт как маргинальная эмблематическая форма, обусловленная как соображениями

извлечения выгоды на книжном рынке, так и идеями в духе Альчиато о вдохновлении труда ремесленников. Вариантность этой формы может быть интересна лишь в качестве альтернативной модели эмблематического чтения, поскольку ко времени появления «голых эмблематик» концепция бимедиальной формы, где образ и текст читаются совместно, уже была сформирована (Ж. де Монтене, Ж.-Ж. Буассар).

Третий подпараграф, *«Типология взаимоотношений образа и слова»*, строится вокруг сложных эмблематических случаев, где истолкование смысла обязательно наталкивается на нестандартные модели взаимоотношений двух элементов. В отличие от немецкой школы исследователей (А. Шёне, Д. Йонс, Д. Сульцер) и от А.В. Михайлова, занимавшихся проблематикой этого соотношения, нами был выделен такой критерий унификации взаимоотношений визуального и словесного, как степень синтеза отношений слова и образа, достигаемая в эмблемах. На этом основании нами были выделены три типа: «максимально автономные» эмблемы, «недостаточно автономные» и группа эмблем с «минимальной автономностью» элементов. Если в первой группе текст и образ могут быть поняты без посредства друг друга, то в последней группе словесный элемент максимально вовлекается в образный («привязывается» к нему) с помощью таких инструментов, как экфрасис, техника сканирования, два плана эмблемы и др.

Отдельное внимание в разделе уделено проблемам разрешения «хромоты смысла» при помощи соотношений образа и слова; а также аспектам их намеренного усложнения или облегчения на ряде эмблематических примеров.

Второй параграф, *«Эмблематика и интертекст: смысловые трансформации»* анализирует проблематику концепции подражания XVI-XVII вв. в данную эпоху, а также вопрос генезиса эмблематического интертекста и его укоренённость в традиции «общих мест», однако главное внимание уделено именно механизмам смысловых трансформаций эмблемы в результате интертекстуальных вставок. Концепция подражания, строившегося на подражании природе и «*imitatio auctorum*» (подражании авторам), обусловила

возникновение огромного символического репозитория тем, мотивов и сюжетов в эпоху Возрождения, к которому обращались как эмблематисты, так и художники.

Интертекст рассматривается нами на двух уровнях: «словесный интертекст» как работа Слова (*verbum*) со смыслом (*res*) и «образный интертекст» – это интертекстуализированный (скажем, в живописи) эмблематический образ. Анализ ряда эмблем «классической» тематики показывает, что смысловые трансформации определяются на уровне выборки источников, а также их жанра; на уровне их трансформации в эпиграмму и, наконец, на уровне эффекта, произведённого на читателя.

Вторая разновидность интертекста иллюстрируется при помощи диптиха И. Вермеера «Молодая девушка у вёрджинела», где эмблематический образ из книги О. Вения, трансформируясь, становится условием понимания смысла живописи благодаря комбинаторной игре.

Третий параграф *«Эмблематический дискурс в литературе эпохи Барокко»* представляет теоретический экскурс в научное рассмотрение эмблематических мотивов в художественной литературе и вместе с этим вводит в научный обиход представление о «дискурсной форме» эмблематики или «эмблематическом дискурсе», отходящем от рамочной структуры «*emblemata triplex*» и манифестирующемся в качестве особого рода синтагм, экзегетически артикулирующих «готовые смыслы» художественного мира произведения посредством распознаваемых эмблематических тем, мотивов и структур.

В качестве иллюстративного примера «романа-эмблемы» анализируются «Приключения Барона де Фенеста» А. д'Обинье, где два антагониста прообразуют два модуса эмблематического чтения – визуальный / образный (Фенест) и словесный (Эне). На всех уровнях текста они проявлены соответственно как зрительное и речевое начала, что в рамках романного нарратива наделяет их функциональностью, схожей с эмблематическими *imago* (изображением) и *subscriptio* (подписью). В образе двух героев показывается постоянное взаимодействие «Образного» и «Словесного», экфрастического и дискурсивного в структуре дискурсивной эмблемы.

Данный параграф заключают семь наиболее очевидных и распространённых путей претворения эмблематики в барочной поэзии и прозе.

В **Заключении** обобщаются результаты всей работы и определяются перспективы дальнейшего исследования эмблематики.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК МОиН РФ:

1. Зеленин Д.А. «Quid sit emblema?»: эволюция семантики эмблемы от античности до Андреа Альчиато // Новый филологический вестник. – 2015. – № 3 (34). – М.: РГГУ, 2015. – С. 30–43.

2. Зеленин Д.А. Imago Figurata Я. Мазена как проект риторизации эмблемы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – №5 (14). – М.: РГГУ, 2016. – С. 115–134.

3. Зеленин Д.А. Протоэмблематика и проблема генезиса книжной эмблемы // Вестник Удмуртского Государственного Университета. – 2015. – Вып. 5. – С. 89–94.

Другие статьи и материалы докладов:

4. Зеленин Д.А. Мифологический бестиарий «Emblematum liber» Андреа Альчиато // Риторика бестиарности: сб. статей. – М.: Intrada, 2014. – С. 154–165.

5. Зеленин Д.А. Риторические стратегии совмещения человеческого и звериного в эмблематике // Бестиарный код культуры: сб. статей. – М.: Intrada, 2015. – С. 40–49.

6. Зеленин Д.А. Становление художественной формы книжной эмблемы // Мифологические образы в литературе и искусстве. – М.: «Индрик», 2015. – С. 330–341.

7. Зеленин Д.А. Взаимоотношения слова и образа в эмблематике: проблемные случаи // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре. – М.: Intrada, 2016. – С. 59–75.